

Трем девушкам кануть

Автор:

Галина Щербакова

Трем девушкам кануть

Галина Николаевна Щербакова

Юрай #1

«Трем девушкам кануть» – история о трех на первый взгляд никак не связанных друг с другом смертях молодых, успешных женщин. И только главный герой Юрай получает в руки ключ к разгадке тайны преступления. Ведь все три покойницы при жизни имели к нему отношение.

Галина Щербакова

Трем девушкам кануть

История первая

У Юрая оборвались ручки. О, эти чертовы сумки-пакеты! О, эта чертова свиная тушенка из Китая! О, эти чертовы передачи бедным из провинции! Говорил же, говорил же...

Пока перехватывал пакет носовым платком ниже ручек, чувствуя себя согнутым идиотом, – все и началось. Во всяком случае, для него начало именно тут, с ощущения идиотии и голоса из окна поезда.

– А я думаю, что это за тип с банками? А это ты. К маме? В гости?

«О, господи, – подумал Юрай, – завтра в Горловске все будут знать, как у меня лопнули ручки забубенного пакета, а значит, не разжился я, Юрай, за всю московскую жизнь приличной сумкой хотя бы из кожзаменителя, не говоря уже о чем-то натуральном».

Дело в том, что высунувшаяся из окна вагона Рита Емельянова с молодых ногтей обладала гнусным качеством – рассказывать о людях разнообразные обидные мелочи: о лопнувшем на интимном месте колготках у М., о капле под носом, которая набухла во время контрольной у Н. и которую тому пришлось словить уже в процессе падения, о треснутой чашке с потемневшими стенками, из которой пьет чай учитель, о чьих-то вросших ногтях, о днях менструации и так далее.

И каждый раз подробно и с удивительным равнодушием. Что было еще обидней, между прочим. «Дайкнижкуутебяглазазакисло». Без эмоций и запятых.

Самое главное – все в школе это сносили. В этом покорном принятии, в сущности, беззлобного, скорее, глупого хамства все были едины – и смельчаки, и трусы, и уборщицы, и учителя. Все сносили, и все стыдились самих себя. И дурочку Риту – нет, чтобы пару раз одернуть, – за собственный грех попустительства временами так ненавидели, как она того и не заслуживала. Юрай понял это еще в школе и был, честно сказать, ошеломлен странным человеческим свойством – любить в чужом свое хорошее, а ненавидеть в нем же собственную гадость. Поэтому Риту он всегда защищал от нападков и от эдакого благородства был даже пару месяцев в нее влюблен – между ноябрьскими и зимними каникулами.

«Получается, – подумал Юрай, – что сейчас, через столько лет, она не шибко изменилась. Чепуха это – меняющийся человек. Не успеть за жизнью».

– Сейчас закину барахло, – сказал он ей, – и приду к тебе. Это какой вагон?

– Третий, – ответила Рита. – У тебя такие круги под мышками... Какая у тебя мощная секреция.

«Ну, мать... – даже обрадовался Юрай. – Совсем такая же!» Почему-то поднялось настроение, порушенное тяжелыми банками. Он едет домой! Он едет в детство, юность, где есть Юрай-умник, Юрай-зазнайка, Юрай-эгоист, но, в общем, свой в доску парень, за которым, тем не менее, последнее слово. «Ай да я, ай да гусь», – чему-то обрадовался Юрай.

Пока дошел до своего двенадцатого плацкартного, почему-то вспомнил парнишку из девятого класса, который в школьном сортире поклялся «убить эту сволочь» Ритку. Где ты, друг Валдай? У них двоих были прозвища, составленные из имени и фамилии. Валентин Данченко – Валдай и Юрий Райков – Юрай. У Юрая – детская кличка осталась навсегда.

Где ты, Валдай? Последний раз случайно встретил его вот здесь же. На вокзале. Валдай тащил на горбу детский велосипед «Малыш». «У меня парню восемь лет. А как ты? К матери едешь? А та сволочь все еще там?»

Дело в том, что Валдай был заика. И каждый раз, когда Валдай хотел что-то сказать, Рита упреждала окружающих: «Только спокойно, ребята, спокойно. Помните – он заика».

Валдай ушел из девятого класса, поклявшись...

Не хватило ему снисхождения и великодушия простить дурной Ритин язык. Он был самолюбив и обидчив, этот Валдай. И, как говорится, на всю оставшуюся жизнь.

Тогда, с велосипедом на плечах, под «той сволочью» он тоже подразумевал Риту, и Юрай подумал: «Ну что же ты такой упертый? Уже сын на велосипеде, можно было бы и забыть».

Или правда, что нет ничего обиднее детских обид?

По прошествии времени совсем по-другому, так сказать, вне контекста, думалось о том, что Ритин грех был рожден всеобщей трусостью их самих потому, что ее папа – товарищ Емельянов – являлся много лет бессменным секретарем райкома и в человеческой доброжелательности особо замечен не был. После крушения и смены эпох думалось об этом почти легко. Подумаешь, райкомыч. Бал усох, погасли свечи. И он, Юрай, пойдет к Рите с чувством

глубокого интереса и симпатии. Может, у одноклассницы, как и у Валдая, тоже дети? И товарищ Емельянов жмет в каменистой лапе бумажки, чтобы подтереть им попки? И тут он не просто доброжелателен, он плавится от чувств-с при виде детского горшка. «И обратим, господа присяжные, внимание именно на эту деталь человека и времени».

Юрай забросил вещи наверх и решил, что лучше на самом деле сразу идти в гости: все купе заняла крупногабаритная семья с каким-то необъяснимым количеством детей. Молодая не могла, не успела бы еще родить столько, и муж ее на бывшего многодетного вдовца похож не был. Юрай присел на краешек бокового места в соседнем купе: надо было дождаться проводницу и сдать ей билет.

«Раз, два, три, четыре, – пытался сосчитать он детей, но тут же сбивался, потому что попадались одни и те же. – Господи! Да они же двойняшки. Или тройняшки?» Уже не захотелось уходить, хотелось понаблюдать этот биологический феномен, но молодая сказала:

– Не пялься и не считай. Это нехорошо. Я тебя знаю, ты из нашей школы. Только я была в десятом, а ты в пятом. А детей у нас семеро. Один и три двойняшки. Но они погодки и очень похожи. Я сама иногда путаюсь. А муж мой карел. Это на Севере. Едем к моей маме в гости. На крыжовник.

Юрай, как ни напрягался, вспомнить Алену, так звали молодую, не мог. Врать не стал, так и сказал – не помню, чем невероятно обидел карела. Тот засопел, надулся и ушел курить.

– Очень ревнивый, – сказала Алена, – хоть и северный. Оттого и подозрительный. Он тебе не поверил... Он убежден, что все мужики на земном шаре, увидев меня, забыть не смогут никогда. Мне предстоит рожать до посинения. Это его способ отвадить от меня других. Хороший способ, между прочим... Ты пойдешь за бабой, у которой семеро по лавкам?

– Пойду, – ответил Юрай. – Это сейчас экзотика. А я люблю экзотику.

– Не брешу, – не поверила Алена. – Не брешу, хотя и спасибо тоже. С кем-нибудь из наших общаешься?

– Ритку Емельянову помнишь? Едет в третьем вагоне.

– Да ну! – обрадовалась Алена. – Моя мать ей шила на выпускной. А эта маленькая зараза говорила, глядя на меня, беременную, что на мои бедра надо шить не платье, а шатер, в отличие от нее, изячной.

– Она! Она! – обрадовался Юрай.

– Поверишь? – вдруг серьезно сказала Алена. – Бедра – ого-го, а таз узкий. Так мучаюсь каждый раз, а карел мой неугомонный... – Она счастливо засмеялась. – Про северных людей ошибочное мнение... Мой из ревности способен убить, как негр.

Слово за слово, решили сходить к Рите вместе. Карел долго, задумчиво и странно стучал по столику костяшками пальцев. Потом сказал:

– Идите. Только врозь.

– Понял? – засмеялась Алена. – Вот так и живу. Ну ладно, иди. А я приду минут через двадцать.

* * *

После общего в купированном вагоне было тихо и чисто. Рита, подперев левую щеку, смотрела в окно. Напротив, подперев так же правую, сидела ее соседка, молодая женщина с черными, до синевы, гладкими волосами. В этом было даже что-то вызывающее – такая чернота и такая гладкость. «Как из кино двадцатых годов. Какая-нибудь мисс Менд...» – подумал Юрай. На верхней полке в одинаковых позициях лежали тяжелые плоские мужчины.

Рита заговорила обрадованно и тихо, Юрай сразу даже не понял, о чем шепчут Ритины губы.

Вернее, понял, но сразу не поверил. А потом решил, что в жизни именно так бывает. Только подумал – и на тебе...

– По-моему, это точно он, Валдай, – говорила Рита. – Прошел мимо вагона с велосипедом «Дружок». Я ему крикнула, но он, наверное, за колесом меня не увидел. Если велосипед – значит, дети. Значит, женат. А ты ведь помнишь? Он был заика. И кто-то пошел за него!

Она говорила что-то еще, но Юраю стало тоскливо, тошно, хотелось уйти, но ведь договорились же с Аленой... Если в поезде Валдай, то хорошо бы внимательно пройтись по вагонам.

– ...Ну вот, с тем и возвращаюсь, – услышал он наконец Риту. – Ничего в Москве не купишь, не то, что раньше... У нас теперь лучше, и питание, и шмотки. Сам увидишь.

Спросила, женат ли. На веселое Юраево «нет, ни за что» протянула руку с толстым обручальным колечком.

– Ты его знаешь. Он работал в райкоме комсомола. Все девчонки падали, кроме меня... Ну? – И засмеялась, гордая собой. – Юрай, а ты и в Москве Юрай?

– Это клеймо, – сказал Юрай. – Не приживаются ко мне имя и фамилия, а кликуха запросто.

– Потому что ты несерьезный, – заявила Рита. – Баламут. А Юрий Райков – это красиво. Это для хорошего человека.

Ну что за девочка! Что за прелесть!

Юрай засмеялся. И тут заметил – она наблюдает за ними, мисс Менд. Вроде в стороне, а на самом деле – внутри их болтовни, внутри. «Ох, бабы! – подумал Юрай. – Вот и не надо ей, а вникает».

Но тут ворвалась Алена с баночкой грибов и сразу стала пенять.

– Не мог меня подождать в тамбуре? Мы бы зашли в ресторан, купили бы чего... А так я без наличности, хоть закусь приперла.

Это она уже говорила плоским мужикам, и один, молодец, сигнал воспринял, борзо слез с полки и щелкнул замками чемодана. Бутылочка водочки встала на столик красивым торчком. Втянули в дело мисс Менд.

– А грибы качественные? – строго спросила она, не решаясь принять на бумажную салфеточку крошечного младенческого опенка.

– Да вы что? – возмутилась Алена. – У меня семеро детей, и они на моем грибе, как на дрожжах. А карел все виды знает, как свои глаза. Он не просто ядовитый не возьмет, а на одной с ним полянке хорошего не снимет.

Именно эта ее речь почему-то вызвала у мисс Менд живой интерес. Она просто ела глазами Алену. «Ничего удивительного, – подумал Юрай, – семеро детей – хороший козырь. А тут еще такое ликование! Нате, мол, вам всем. Какой у меня мужик! Обзавидуйтесь!»

В общем, пошло-поехало. Второй плоский не слез – и, слава богу, одним меньше, нам больше. Рита хоть и ломалась, но граммов тридцать приняла. Остальное разлили поровну. А грибочки, можно сказать, как за себя кинули.

Выяснилось, что плоский пьющий выходит ночью, в Харькове. А плоский непьющий едет до упора – в Новороссийск. Что мисс Менд сойдет на час раньше, в Константинове, а Риту и Алену в Горловске будут встречать на машинах.

– Мы с мужем тебя подкинем, – сказала Рита. – Ты там же? На Красной? Это на машине почти мимо.

Когда возвращались в свой вагон, Алена прижала Юрая в переходной кишке.

– Поцелуй, – попросила она. – Так обидно быть ревнуемой не по делу!

Вот так, думая над странным оборотом «быть ревнуемой» и ощущая вкус маринованных грибов, совершал грешный поцелуй «назло карелу» Юрай. И все было хорошо и замечательно, потому что многодетная Алена знала толк в целовании. Пришлось отрываться от женщины, но ей вроде и хватило, потому-то она почти по-родственному сказала:

– Ну, спасибо, Юрчик! Уважил. А то на самом деле – зло берет.

Когда вышли из кишки, Юрай засмеялся:

– А если б рухнули в проем? Куда семеро детей?

На Аленином лице полыхнул ужас, и она побежала от него так, будто за нею гнались. Юрай едва поспевал, представляя страшную картину зарезанных карелом детей, или смерть их от грибов, или... Да мало ли что?

Семеро козлят чинно сидели по лавкам.

И карел был смирен. Нож не точил.

От водочки Юрай уснул быстро и крепко и про свои намерения поискать Валдая забыл напрочь. Проснулся же от чувства тревоги.

Поезд стоял. Юрай выглянул в окно – мимо, приседая от тяжести чемодана, прошел плоский пьющий. «Харьков, – подумал Юрай. – Выйти, что ли?» Но было лень одеваться, потом спрыгивать. «Еще детей разбужу».

Мимо окон медленно прошла мисс Менд. «Тоже не спится девушке», – подумал Юрай. Она остановилась у их вагона и что-то сказала стоящему мужчине. А! Попросила прикурить. Юрай не сразу сообразил, что это карел. Ишь какой! Ревнивец собственной жены был весьма галантен к чужой женщине и телом прикрывал ее от ветра, сквозившего по перрону. Алена же спала с открытым ртом, и на ее груди лежала розовая детская пятка.

Именно эта пятка почему-то успокоила враз Юрая. «Если дети спят спокойно, значит, жизнь нормальная. – Так говорил его приятель Леон. – У тебя есть другие критерии? Вот и молчи».

– Я и молчу, – засмеялся Юрай. – Я молчу, лежу и еду.

Он совсем уже было отвернулся, но возле окна остановился мужчина и стал слепо вглядываться в стекла. «Ну что ты, дурачок, увидишь? – подумал Юрай. – Это окно не мыли уже пятилетки три». Видимо, человек это тоже понял, потому

что повернулся и пошел, слегка шатаюсь. И только тогда Юрай сообразил, что это Валдай, но с усами и бородкой. И выпивший. Надо же! Валдай начал пить и форсить. Юрай засмеялся и пожалел, что они не встретились все вместе с Ритой. Он бы их обнял. Он бы им сказал: «Дураки! Не такие уж мы молодые. Вполне и помереть можем, не помирившись».

«Не пойти ли мне в попы?» – подумал Юрай, поворачиваясь к стенке.

* * *

Поезд в Горловск приходил с опозданием на сорок минут. Все эти сорок минут Юрай простоял в тамбуре, вспоминая детство и юность, прожитые тут, задавая себе вопрос, а может быть, надо было вернуться сюда после института и не слушать маму, которая сказала: «Все, что угодно, любой Крайний Север или самый Дальний Восток, или какие-нибудь Кара-Кумы, что угодно – только не назад». Мама боялась слов «назад» и «навсегда» больше, чем слово «смерть». Ну, особенно Юрая уговаривать не пришлось. Нашлось ему место в ведомственной газетенке, организация была богатая, и теперь у него, у одиночки, даже квартирка была три на пять, но зато своя, отдельная, «выгородка» из чьих-то барских хором.

Но тут в эти сорок подъезжающих к родине минут как-то заломило в сердце: террикончики, угольный ветер, шелест кукурузы – все такое смачное, звонкое, родное; сроду у него никаких эмоций не вызывал московский дом, а тут – любая хатка. Любой скворечник... Но знал – чувства эти ненадолго. Пять раз сбегает до ветру и затоскует по складненькому стульчаку. И обеды мамыны – объедение, но уже через неделю – сил нет их есть. Хочется колбаски ломтиком, кофе с бараночкой. И разглядывание в упор на улице утомляет, хочется в толпу, чтоб раствориться, потеряться.

Но это будет потом, а сейчас подплывает Горловск с оглушительным запахом борща, который отменно варят в тамошнем вокзальном ресторане. Почти как мама.

Прямо рядом с окнами вагона проехала «Скорая».

«Поплохело кому-то», – подумал Юрай, прихватывая пониже ручек проклятый пакет.

– Заходи, – кричала ему вслед Алена. – Мы на Котовского, 15. От тебя рукой подать.

– Ладно, – ответил Юрай. Хорошо, что Рита его подвезет. Пакет без гарантий, это ясное дело. А банки, заразы, все в солидоле. Из стратегического запаса Куликовской битвы. Если еще раз хряснет, то придется отлавливать их на дороге.

«Скорая» стояла у третьего вагона, и из него выгружали носилки.

Юрай притормозил, выглядывая Риту. И увидел ее сразу. Она лежала на носилках криво, с повернутой вправо головой, с приоткрытым ртом. На носу ее сидела жирная вокзальная муха, и Юрай согнал эту муху и прикрыл Риту простыней. Этот жест был инстинктивным, но именно из-за него его потом пытали, откуда, мол, знал, что Емельянова мертва. «Откуда? Не знал!» – кричал он. Не знал. Прибежал и укрыл от мухи.

Хотя – честно – это была неправда. Он знал. Еще до мухи. Потому, увидев Риту, понял – Риты нет.

В общем, милиция не нашла ничего лучшего, как вцепиться в Юрая. Но это потом... А пока он накрывал Риту, тут же рядом возник запыхавшийся парень с букетом цветов, и Юрай первый спросил:

– Вы Ритин муж?

Парень посмотрел на закрытые носилки и закричал. И кричал пронзительно и долго, не обращая внимания ни на больших, ни на маленьких, ни на милиционеров.

Откуда-то Юрай вспомнил, что открытое криком горе переживается легче. Значит, в этом смысле парню повезло. Тогда кричи, парень, кричи!

Выяснились подробности. Проводница рассказала, что Рита рано умылась, сама принесла в служебку белье и попросила «чайку, а то во рту запах вчерашних грибов». От сахара Рита отказалась, сказала, что у нее конфеты. Потом проводница, которая сейчас кричала: «Я тут при чем? Я при чем?» – объясняла, как было дело дальше. Она понесла Рите билет. Рита пила чай. Так пила или нет?

– Что, я ей в рот заглядывала? – заорала проводница. – стакан в руках держала. Я билет положила на столик и сказала: «Деньги положьте на стол. И имейте в виду: чай теперь дорогой. Копейки мне ваши не суйте».

Когда через – десять? пятнадцать? – минут проводница пришла за деньгами, Рита сидела, прислонившись к стеклу окна.

– Криво как-то, – продолжала она. – Я глазами стала на столике искать деньги – нету. Сказала ей. А она ни гу-гу... Сидит как чурка. Я решила – сомлела. Крикнула начальнику, он в нашем вагоне как раз едет. Он ее по щекам побил. Скажите, Николай Павлович! Скажите! Били?..

– Не то что бил, – хрипло ответил неопрятного вида железнодорожник, – ты такое скажешь. Хлопал...

Проводница же вспомнила, что вечером в купе выпивали.

– Вот он пришел, – показала она на Юрая, – с многодетной. Я ее как увидела с выводком на перроне, не дай бог, думаю, ко мне в вагон.

Если бы не Ритин муж, все можно было снести: дурацкие вопросы, дурацкие намеки, даже запугивание. Юрай милиции сочувствовал. Свалилось им на голову дело – и никаких концов, не считая его. И хоть он тоже никакой не конец, они-то этого не знают! Опять же проклятый совковый непрофессионализм. Поезд ушел, но своего человека в нем не оставили. А там ведь мужик поехал новороссийский. Но проводница сказала:

– Он спал. Даже когда я шум подняла, он подушку на ухо натянул – и все.

Милиция этим и удовлетворилась.

Черт с ней, с милицией! Ритин муж плакал, кричал, то что мама назвала бы – рвал на себе волосы, – и буравил, буравил при этом Юрая глазами. Его одного. И опять же... Милиция многодетную Алену ни о чем не спросила, семья села в «рафик» и тю-тю... А ведь он с Аленой был у Риты, и ушли они вместе. Целовались, между прочим. Юрая же с банками не отпускали. И кто? И куда? И откуда? И как же это вы так сразу догадались пеленочку на лицо покойницы натянуть? Откуда у вас было это знание о смерти?

– От мухи! – кричал Юрай. – Она прилетела и прокричала. А вы пни глухие.

– Ответите за дерзость, – сказал милиционер. – Я вам не шавка.

Одним словом, домой Юрай добрался к середине дня, мама стояла у калитки, и подол фартука ее был измочален до предела: когда мама нервничает, она тербит фартук. Она его закручивает на палец или в колбаску, она вяжет из него узлы, она даже исхитряется откусывать его концы, в общем, по виду фартука маме можно ставить диагноз.

История с Ритой маму потрясла. Мама рассказала, что Рита, несмотря ни на что, была душевной медсестрой, что муж ее тоже хороший парень. Ему был прямой путь в райком партии.

– Но ты же знаешь, Юра, продолжала она, – их всех турнули. Он теперь в исполкоме. Водопровод на нашей улице он один пробил, как депутат. Господи ты боже мой, какое же горе! Сами молодые жили в большом доме. У нас, Юра, большие дома очень хорошей планировки. Кухни прямо-таки... И насосом им наверх качают воду, а ты же знаешь, сынок, наши проблемы. Всегда вагонетку держу с хозяйственной водой. Иначе ничего не вырастишь.

Ритину смерть мама объяснила естественными причинами: у Риты в детстве был порок сердца, его залечили, но именно залечили, а не вылечили. С сердечниками так бывает: раз – и нету. Хорошая смерть, между прочим, для человека. Для родных, конечно, это тяжелее... Ой, несчастная мать! Ой, как же ей теперь жить на свете!

* * *

Юрая вызвали в милицию, где уже сидела гордая миссией Алена. Было много вопросов о грибах, на что Алена просто засмеялась в лицо милиции.

– Мы же живые! А мы ломанули больше, потому что нолито у нас было больше.

Из примитивного интереса к грибам Юрай заключил, что, видимо, вскрытие дало какой-то результат. Но разве можно от отравления грибами умереть мгновенно? Чепуха! То, что они толкутся на грибах, – это доказательство их бессилия, не знают, о чем спросить. С другой стороны, разговор до такой степени формальный, что видно и слышно сразу – милиция закругляется. Это возмутило Юрая – что за дела? Взыграло ретивое. Юрай почувствовал – пружинит тема. Вот бы рассказать о слепом поиске милиции. Ведь это же счастливый (тьфу! тьфу! – конечно) случай, когда он с самого начала – с вагона, да что с вагона – со школы – знает больше любого дознавателя. Вот и написать о жизни и смерти, о тех, кому в этом надлежит разбираться... Врачам, милиции. Одним словом, не будь дураком, Юрай, это та самая история, которой тебе не хватало в журналистской жизни.

Он пошел к следователю, которого помнил еще по школьным временам. Следователь приходил к ним на 9 Мая как участник войны и много лет подряд рассказывал одну и ту же байку. Юрай хотел вспомнить, какую, и не смог. Помнил, что одну и ту же, но какую, какую, черт возьми? «Смотри, какой феномен памяти, – подумал он. – Это надо усечь: чтоб все забыли, надо трандеть одно и то же».

Федор Николаевич, уже совсем сивый и сморщенный, Юрая, тем не менее, вспомнил.

– Я этим не занимаюсь, – сказал он. – Но слышал... От дорожников. Им не позавидуешь. Неприятность. А чего не жить, да? Но смерть уводит. Хотя, скажу тебе, есть одна положительная сторона в деле – отец. Что бы там ни говорили о старых кадрах, но это люди. Мог бы поднять волну до Москвы и обратно? Мог! Но не стал. Достоинво встретил горе. Дочь-то разве вернешь акциями протеста?

– Но надо же знать причину...

– Значит, отец знает. Он знает и другое. Работы в милиции по горло. Рэкет-мэкет... Вагонами воруют государственное достояние... В шахтах что ни день –

несчастный случай... Мы такие гражданские смерти, как повешение, самострел, отравление, вообще не берем к рассмотрению. У нас ни сил на это, ни средств. Это я тебе точно. И не хватало нам еще родственников, которые брали бы нас, – я извиняюсь, как мужскому полу говорю, – за яйца. Я слышал, у Емельяновой был рак. Значит, вопрос времени. Решила избежать мук. Операции ей все равно бы не вынести. У нее порок сердца был. Залеченный, правда, но ведь не вылеченный?

«Совсем мамиными словами говорит, – подумал Юрай. – Каждое поколение говорит своими словами. И разрыв между отцами и детьми можно определять по количеству новых слов. И чем сильнее разрыв – тем заковырестей речь у молодых. Нынешних послушай».

Юрай хотел даже сказать об этом старику-ветерану, но раздумал. Зачем?

Значит, дело свернули, хотя ежу понятно: так не делают, это не по правилам. Но какие правила в глубинке, тут свои законы. И с чем разбираться, а что бросить, тут решается просто – как скажет старший. Емельянов уже на пенсии, но для милиции еще авторитет. Ну, ладно, это старая школа – чтоб все по-тихому, но муж-то? Почему он не разнесет их всех к чертовой матери? Они говорят: «Рак». Ушла от боли. Но она же подвезти его хотела! Она же была – как всегда!

И тут Юрай вспомнил лицо человека за стеклами вагона. Ерунда, конечно, но в поезде ехал Валдай, который говорил: «Я все равно убью ее, сволочь!»

Ну, предположим, Валдай... Хотя это такая чушь! Как бы он смог, как? Сидела девушка одна, пила чай и – откинула головку. Валдая кто-нибудь при этом видел? Никто. Я видел. Ночью. В Харькове. В новом обличье и выпившего.

И я – сволочь, если грешу на несчастного мужика. Мало ли, кому мы грозим!

Про Валдая никто ни слова. Молчать? Сказать?

* * *

Хоронят в провинции со вкусом. Тут есть понятие, как... Как рассыпать впереди гроба цветы, какие при этом выпевать слова, как обращаться непосредственно к

Богу, забыв про атеизм, и просить его взять на себя дальнейшую ответственность за покойницу. И как ставить столы на поминках, чтоб больше село, и как распахнуть настежь двери, прижав их принесенным с улицы кирпичиком. И любому алкашу, любой побирушке поднести и оказать уважение... «Помяни покойницу, помяни».

На Ритиных же похоронах было еще пуще: за гробом торжественно и красиво шло бюро бывшего райкома партии, шло в том же старом порядке, как на возложение цветов неизвестному солдату, который огнем цвел рядом с памятником местному герою-летчику, но поди ж ты... Чтили неизвестного, а покойный летчик обрастал крапивою. Свой первый материал Юрай написал об этом и был высечен всеми инстанциями. Говорят, Емельянов стучал ногами и пообещал не пускать Юрая на родину. Потом кто-то рассудил иначе, Емельянова поправили, и он даже пожал Юраю руку, встретив его однажды в поезде. В том же самом. Шел Емельянов в пижаме из уборной, шел Юрай в пижаме туда же. Встретились и пожали друг другу руки. «Справедливо отметил недоработку», – сказал Емельянов, и Юрай, забыв о топании на него ногами, почему-то сказал: «Спасибо». Никто не знает, но в туалете Юрая тогда вытошнило.

Теперь же, глядя на строй черных костюмов и черных выправок, думал, что жизнь с Емельяновым обошлась более чем сурово. И жалко старика. Но ведь можно было хотя бы сегодня идти как-то иначе? А не в строгом соответствии уже бывшей линии?

А с другой стороны... Придет ли он к своей старости в кругу единомышленников или они все, как горох из стручка, который надломили, – посыпалось, рассыпалось?.. Но ведь это же нормально – лопающийся стручок. Только ведь и смертное единство старшего поколения тоже считалось нормальным. К нему тяготели, а когда рассыпались к чертовой матери, выяснилось – нет большей радости быть не в стручке. Так что, не хотел бы Юрай оказаться в их дружных рядах. Кстати, и Ритин муж выламывается из них: идет вроде и вместе, но и на шаг в стороне, вроде свой, но уже и чужой.

Но тут обзор закрыла девица, которая в вытянутой руке несла какой-то флакон. «Нашатырь, – решил Юрай. – Подходи – нюхай». Но никто не подходил, а вытянутая рука с флаконом с толку сбила. Такие хорошие мысли были про стручок и про горох, а теперь думай про нашатырь или что там во флаконе? Если бы он писал детектив, то налил бы туда яд. И тогда... И тогда еще одна жертва. А он бы кинулся и вырвал флакон из рук. Ничего себе чушь? На поминках Юрай

сидел рядом с Аленой.

– У нее был рак, – сказала Алена. – Смелая! Я бы точно не смогла. Я бы за жизнь цеплялась, как полоумная...

– У тебя дети, – возразил Юрай.

– Это, конечно, да, но это не все, – ответила Алена. – Я еще и сама по себе есть... Я жизнь телом люблю.

Хотелось Алену обнять и увести куда-нибудь, Юрай не удержался, стиснул под столом ее колено.

– Вас понял! – пробормотала Алена с набитым ртом. – Но учти. Я грешу очень-очень по-мелкому и исключительно в движущемся транспорте.

Мировая она баба! Он снял руку с колена, засмеялся и застыдился: где он сидит, идиот? Где? Его смех заметил муж Риты, обросший, осунувшийся, со слепым тяжелым взглядом. Он так двинул желваками на смех Юрая, что тому стало просто не по себе. «Ну какой же человек – скотина, – подумал Юрай. – И этот человек-скотина – я».

Возвращаясь с Аленой домой, Юрай спросил, помнит ли она Валдая?

– Заику? Еще бы! Он классную делает мебель. Говорят, миллионщик. Вот какой-то бабе счастье. Это смолоду – заика, заика! Вроде недостаток. А если разобраться, то у других и не такое есть.

Алена тяжело вздохнула, и Юрай подумал, что карел у нее, видать, не самый легкий человек.

– В ту ночь в поезде они все гуляли в Харькове по перрону. И твой, и Валдай, и соседка Риты, я тоже хотел, но боялся разбудить тебя и детей.

– Карела ты видеть не мог, – твердо сказала Алена. – Он не встает ночью.

Что с ней спорить? Не встает, так не встает.

– А где живет Валдай?

– В Юзовке. Он построил себе трехэтажный дом возле автостанции. И забор у него, как в Освенциме.

– Помнишь? Он в школе собирался убить Риту.

– Мало ли что мы сболтнем. Валдай по жизни оказался выше Емельяновых. Он их и так победил. У тех все чужое, а у него все свое. И с чего это ты решил, что карел гулял ночью в Харькове? Я, Юрай, так не люблю сплетни!

– Наверное, показалось, – пожал плечами Юрай.

Дней через пять мама объявила, что нужно и хорошо бы съездить им в Константиново, к маминной сестре и Юраевой тетке. Тетка еще работает, ей вырваться, чтобы повидать племянника, труднее, а они – птицы вольные.

Ехали двумя автобусами, от пыли и жары вымотались как черти. А на самом въезде в Константиново задержались, пропуская похоронную процессию. И все происходило так, как Юрай недавно видел: женщины усыпали дорогу цветами, просили Бога посодействовать покойнице, а мужчины были строгие и трезвые, но в напряженном ожидании. Правда, политбюро здесь не наблюдалось.

Так уж случилось, так уж случилось. Юрай сидел у окна, потому что мама боялась сквозняка. Автобус был высокий. «Икарус». И гроб пронесли мимо, прямо рядом с Юраем. На белоснежной подушке покоилась черная, до синевы, гладко зачесанная головка мисс Менд. Или ее однойцевой сестры – Юрай в последнее время нагляделся близнецов. Поэтому он стал шарить глазами по сопровождающим, ища сестру-близнеца. Но такой не было. А тут еще процессия чуть притормозила, и лицо мисс Менд оказалось почти вровень с Юраем, и он увидел складочку в уголке ее рта, в которой собралась мука. Юрай не мог оторвать глаз от этой складки, которую можно увидеть только с высоты «Икаруса», всем идущим рядом ее видно не было. И кричала, кричала мисс Менд этой складочкой. Получалось, что кричала ему, Юраю.

Что же с ними случилось – с двумя молодыми женщинами, одинаково подпирающими голову кулачком в поезде из Москвы? Что же с ними случилось?

Процессия поплыла дальше.

– Какая молодежь хилая! – тяжело вздохнула рядом мама. – А эта совсем не выболевшая. Совсем здоровая с виду. Чего, казалось бы, не жить?

– Мам! – сказал Юрай. – Я сейчас спрыгну. Ладно? Я объясню, потом... Вечером...

Юрай догнал похороны. Он быстро внедрился в толпу, улавливая по дороге информацию. Благо не он один присоединился по дороге, таких много, и всем интересно знать, за кем же ты пошел? Вот и идет шепотом выяснение, кто и почему.

Маша Иванова. Одинокая. Сирота. Перебрала снотворного. По ошибке. У нее до этого какой-то болючий приступ был. Особо никто о ней не плачет. Некому... Она тут чужая. Кто идет впереди? Квартирная хозяйка. Ей достанется мебель. «Хельга» и кресла из рыжей кожи. Покойница копейку имела, она хоть и молодая, а на Севере с десяток лет оттрубила, хозяйственная была, цепкая.

– А не тю-тю ли ее? – вроде невзначай бросил Юрай.

– Да нет! – ответили ему. – Милиция ходила. Если б злодейство было, взяли бы что... А там в хрустальной вазе деньги лежали, три тыщи. И сережки на ней золотые. В них и закопают... Народ у нас хоть и нечестный, но сироту не тронет. Хоть кого спроси... А «Хельга» достанется по правилам. Ну сам посуди... Кому же еще?

Юрай внедрился добросовестно. Даже лопата ему досталась при засыпке могилы. А на вопрос: «А ты кто?» – отвечал честно: «Мы с ней из Москвы вместе ехали. Она в гости пригласила. Я приехал, а тут такое дело». – «Ну да, она ездила в Москву. У нее там подруга. Хотели ее вызвать, да не нашли адреса. Наверное, он был только в голове у покойницы».

Поминки справляли во дворе, но Юраю очень хотелось увидеть «Хельгу». Терся возле фанерованной двери отдельного входа покойной жилички. Навесик над дверью, две к ней приступочки. Хозяйка – Зина Карповна – заметила его телодвижения, подошла.

– И чего вы тут вынюхиваете? – спросила без антимоний.

– Можно я приду к вам завтра? – задушевно сказал Юрай. – Я вас кое про что спросить хочу...

– Нечего меня спрашивать, – отрезала Зина Карповна. – Это я сегодня ворота расчинила, потому как смертный порядок такой. А у меня и собака, между прочим, есть... Кобель будь здоров. Спустить могу.

Тут же за ее спиной замаячил здоровенный дядька со злыми и какими-то ошалелыми глазами.

– У товарища якийсь вопросы есть, – противным голосом сказала ему Зина Карповна.

Из дядьки вышел рык, он кинулся на Юрая и еще минута – схватил бы того за горло, но появились какие-то люди: «Ваня! Ваня! В такой день нехорошо, – оттащили ошалелого, а Юраю объяснили: Ваня у нас – мэн крутой. Ему по морде человеку дать, как другому плюнуть. Спасение, что его тут все знают. Не связываются и во всем с ним соглашаются: „Ага, Ваня, ага!“ – даже если белое – черное. Потому что по глубине, понимаешь, Юрай, по глубине, значит, по-настоящему, Ваня – мужик хороший. Безотказный в деле, и если кому надо помочь за так. А Карповна просто из него веревки вьет, а она-то вот как раз зараза. – Это так по-тихому Юраю донесли в ухо. – И если тебе что надо, то лучше начинать с Ивана, подловить его на улице, обговорить дело, он слово держит, как пионер. А Зина как раз брехуха. Хотя, с другой стороны, смотри, Юрай, покойница ей никто, жиличка, а какая закуска? И количество выпивона неограниченно. Ну, про „Хельгу“ ты слышал...»

Одним словом, испортив отношения с хозяевами, Юрай пошел в милицию, моля бога, чтоб не ждал его ветеран-сверхсрочник, а достался бы человек помоложе и посмекалистей.

Достался ровесник. Тонкошейей, кадыкастый, с головой такой правильной «круглости», что это даже бросалось в глаза – на тонкой шее! – как недостаток. Ну чего уж ты такая круглая, голова, могла бы, мол, и чуть вытянуться вниз. Или вверх. Куда-нибудь в сторону, одним словом.

Слово за слово, перешли на ты, повспоминали Москву, парень учился там заочно и очень любил в Москве ВДНХ.

– И архитектура, и новинки жизни, и питание найдешь. У меня просвет – я туда. Я про эти слухи, что ВДНХ не нужно, слушать не могу. Ну скажи, когда я поеду в Киргизию? Или куда еще? А там зашел... Тубетейки... Балалайки ихние... Ковры... И мне для образования вот так, – парень перерезал тонкую шею ладонью, – хватит.

– Слушай, Михайло, сюда, – сказал ему Юрай. И медленно, как ученику, рассказал все – от и до. Даже про то, что целовался с Аленой. Для взбадривания интереса у слушающего.

Михайло слушал, слегка открыв рот и замерев. Только по кадыку можно было видеть, что он сглатывает дыхание, а значит, живет.

Когда Юрай кончил, Михайло потрянул своей неприлично круглой головой и вздохнул:

– Ну, ты даешь! Ну, даешь...

– Нет, ты объясни! – закричал Юрай. – С разницей в несколько дней умирают два человека, ехавшие в одном купе.

– Ну и что? – засмеялся Михайло. – И три могло быть, и четыре. Знаешь, сколько в жизни совпадений? Да ковырни мы сейчас этот поезд, может, там уже половина покойников.

– Ты спятил, – сказал Юрай. – Я ведь с тобой не вообще, я ведь о конкретном случае говорю. Он тебе не подозрителен?

– Не-а, – ответил Михайло. – У Ивановой вечером была почечная колика. Не знаю, но люди говорят, что это хуже нет. Приезжала «неотложка» – все зафиксировано, старик, документы! Сняли колику. Посоветовали ей на ночь принять снотворное. Оставили две таблетки. Она к этим двум добавила еще свои, потому боялась, что, если не уснет, колика повторится. Понятно я говорю?

- Понятно, - ответил Юрай.

- Ну вот и все. Она перебрала. Понимаешь? Перестаралась, дура, царство ей небесное.

- А если это не она сама, а ей помогли выпить лишнее?

- Отвечаю. Никого не было. Иванова после колики зашла к хозяйке. У нее был хахаль, кто - честно - не знаю. Он бывал наездами.

- Ну что, нельзя узнать, кто он?

- А как? Женатик, ночной гость...

- Страшный секрет...

- Ну кто же ждал такого? Иванова попросила хозяйку не закрывать ворота до двенадцати. Сказала, что, если уснет, оставит ему записку, чтоб не будил... А может, сказала, и не уснет... Ее снотворное, мол, не берет...

- Дальше...

- Никто не приезжал. Хозяин в двенадцать закрыл ворота. Окно у Ивановой было темное. Он близко подошел проверить, не светится ли ночник, ну мало ли... Вдруг опять плохо... Но было темно и тихо. А утром все и выяснилось - заснула и не проснулась.

- Все-таки... Кто ж у нее хахаль?

- Вот пристал - не знаю!

- И на похороны не приехал?

- Ну, если я его не знаю? Как я тебе скажу? Может, это ты... Нет, верно, тебя никто раньше не знал, а ты явился. И гонишь теперь тюлю...

- Это не я.

- Докажи, - смеялся Михайло. - Докажи. Его и Зина Карповна толком в лицо не видела. Один признак - высокий, фигуристый. Ты годишься!

- Вы не работники, - сказал Юрай. - Вы говно! У вас даже элементарного любопытства нет к делу. Вам хоть все отравись, вам это по фигу.

Михайло не обиделся, даже, наоборот, закивал своей неприличной головой.

- Другой бы спорил, - согласился он. - За такие деньги интереса не бывает. Меня надо силой прижать, чтоб я проявил интерес. Силой! Надо, чтоб начальству намылили холку, оно даст мне под дых, а тогда я буду иметь интерес.

- Я напишу про тебя фельетон, - сказал Юрай.

- Э, нет! - закричал Михайло. - Раньше я задержу тебя по подозрению, и мои хлопцы отобьют тебе почки. Будешь ссать кровью всю оставшуюся жизнь. Подходит?

- Ладно, - сдался Юрай. - Не подходит. Но я ведь могу и очерк. Ты в нем будешь такой хороший и сладкий, что аж противно. Сыщик Круглая Голова.

- Голову не трожь, - ответил Михайло. - Помни про почки. И сформулируй, черт тебя дери, что тебе надо.

Юрай сформулировал.

* * *

Надо было наплести что-то тетке и матери про его постоянное отсутствие и интерес к покойнице. Сказал часть правды. Ехал в одном поезде. Мать подняла брови.

- Ты у меня уникам. Ты едешь с покойной Ритой. С покойной этой. С Аленой. Какой-то роковой попутчик.

В общем, на следующий день, сказав, что он идет купаться на водосброс, Юрай вернулся в Горловск и пошел к Алене. Во дворе мощно, как на парковом пьедестале, с веслом в руках стоял карел.

- Тебе чего? - спросил он.

- Слушай, - сказал Юрай. - Помнишь, ты ночью курил в Харькове?

- Я не курю ночами, - ответил карел.

- Ну ладно. Не курил. Дал закурить. Девушке такой, с черными гладкими волосами?

- Какой еще девушке?

- Ночью. В Харькове. На перроне.

- Какого черта я бы там делал?

Карел был напряженный и злой и оглядывался, ища, видимо, Алену.

- Я просто хотел спросить... Эта девушка... Она умерла.

Карел посмотрел на Юрая.

- А я при чем?

«Что за ерунда, - думал Юрай. - Почему надо скрывать такой простой факт: человек вышел ночью из поезда покурить на остановке?»

- Почему ты скрываешь? - спросил Юрай. - Я тоже мог выйти. Что тут такого?

- Я не выходил, - ответил карел.

Не хотелось думать плохого, но куда денешься от мысли: карел что-то глупо, бездарно скрывает. В конце концов, его дела. Но он загораживал от ветра Машу Иванову! Загораживал! И как знакомую, а не как чужую. Вот что важно... С другой стороны, она «умерла», а у него ноль эмоций, как у весла. Удивиться-то хотя бы можно?

А из дома уже бежала Алена, сумев по дороге приобнять и карела, и его весло, намекнув этим на незыблемость чувств даже в присутствии Юрая.

Сели на лавочку так, чтобы карел мог их видеть.

– Вы тут на сколько? – спросил Юрай.

– Так мы ж только что приехали, – закудаhtала Алена. – Мой только-только лодку сладил. Он же без рыбалки человеком себя не ощущает.

– У тебя язык без костей, – прикрикнул карел, а Юрай был уверен – он их разговор слышать не может.

Юрай рассказал Алене про смерть Маши.

– Слушай, – поинтересовалась Алена, – эти идиоты опять меня будут про грибы спрашивать?

– При чем тут грибы? У них дело закрыто. Но я чую – чую! – тут что-то не так. Не бывает таких совпадений. Такая жуть – и никому нет дела.

– Ты как вчера родился, – засмеялась Алена. – Жизнь наша гроша не стоит. Такая мы страна. Я карелу говорю: рванем к финнам. А он их не любит! Представляешь? Финны ему не люди.

– Я повторяю тебе про язык, – сказал из глубины двора карел.

– У вас что, подслушивающее устройство? – спросил Юрай.

Но карел ответить не соизволил. Алена взяла Юрая под руку и вывела со двора.

– Он меня чувствует, – сказала она. – Помнишь? Мы с тобой поцеловались в вагоне? Он мне потом сказал, что сразу это узнал. Что ему пришел сигнал... Так и живу.

Уходя, Юрай оглянулся. Карел с веслом уже стоял рядом с Аленой и что-то ей выговаривал. В какой-то момент Юраю показалось – двинет, ей-богу, двинет муж жене.

«Но мое-то какое дело?! – воскликнул про себя Юрай. – И вообще – мне все примерещилось. Харьков... Перрон... Фонарь... Аптека... Аптека при чем?»

Именно потому, что ни при чем, Юрай и зашел в аптеку. Без смысла. По дороге. За прилавком стояла та самая девица, которая на похоронах Риты шла с флаконом.

– Ой! – обрадовалась она. – Юрай! Я на тебя на поминках пялилась, пялилась, а ты нашел кого кадрить... Алену, мать-героиню! Ты меня не помнишь? Я из параллельного.

– Ну как же! – ответил Юрай. Он не помнил, как зовут девчонку, но решил, что в данном случае это и не обязательно. – Я тебя тоже на процессии заметил. Что ты так красиво несла в вытянутой руке?

– Заметил? – засмеялась девица. – Шла, как дура, с каплями. Заведующая послала. Кому они могут помочь, капли? Сообрази! Мы же к сильному лекарству привычные. Никто в эти капли-примочки уже сто лет не верит. Только старухи старые.

– А в яд верит? – в шутку спросил Юрай.

– Ну, во всяком случае...

– Тогда скажи – в порядке бреда. Я, к примеру, хочу купить у тебя цианистый калий. Продашь?

– Ну, если попросишь, – сказала девица. – Я что, не товарищ, не друг, не брат?

– И любому? И каждому?

– Ты ненормальный! Это же подсудное дело.

– А мне надо!

– Но это же ты! Ты же свой! И просишь...

Он вернулся в Константиново, и уже через полчаса тетка, достав из пакета сухое горячее полотенце, сообщила маме:

– Ну и брехун же твой сын, дорогая. Его и близко не было на водосбросе. Его носили черти в Горловск. Вот же билеты!

Мама вздохнула:

– Я так и знала. Сроду ты на наши грязные мокрые камни ходить брезговал. Сынок! Это, конечно, твое дело. Ученого учить – только портить, но куда в нашей стране не надо влезать точно, так это в правосудие. Потому что его как не было сроду, так и нету. Тебе, сынок, голову открутят и скажут, что так и было. У нас никогда преступников не ловили, у нас ловили тех, у кого выражение лица неподходящее. Чего тебя тянет в эту историю с мертвыми девушками? Тоже мне, нашелся не знаю кто! Уезжаем отсюда, и все! Одно тебя прошу – натяни побыстрому на тетин штакетник колючую проволоку.

Бобина с колючкой стояла в огороде, и Юрай еще в первый день ругнулся, когда зацепился за нее брючиной. А потом обратил внимание. Почти на всех заборчиках Константинова сверху лежала проволока. Теперь вот и тетка приобрела гулаговский инвентарь, хотя во дворе у нее росли всего одна яблоня, куст сирени и две непородные жерделы.

– Выделяться нехорошо, – объяснила она племяннику, – ни богатством, ни, не дай бог, бедностью.

И все-таки, все-таки... Тянуть проволоку по верху штакетника Юраю было стыдно. И это было главным ощущением. Вроде делал он что-то не совсем уж непотребное, хотя и под общее одобрение соседей. Тетку – оказывается – давно

осуждали за пробел в обороне. У Юрая дело шло неловко и неспорно. А откуда, собственно, могла взяться ловкость? Юрай еще подумал: надо отнестись к этому, как к сюжету для небольшого рассказа. За этим сюжетом и застал Юрая круглоголовый Михайло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/galina-scherbakova/trem-devushkam-kanut>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)